

УДК 81'373
ББК 81.411.2-5

И.С. Климас
Irina S. Klimas

ДУША в русских народных исторических песнях
SOUL in Russian folk historical songs

Аннотация: В статье анализируется своеобразие концепта «Душа» в сборниках фольклорных исторических песен XVII, XVIII и XIX веков. Исследуются семантико-функциональные характеристики лексем-репрезентантов концепта.

Ключевые слова: концепт; лексическая репрезентация; семантика.

Abstract: The article analyzes the originality of the «Soul» concept in collections of folklore historical songs of the 17th, 18th and 19th centuries. The semantic-functional characteristics of the lexeme-representants of the concept are explored.

Keywords: Concept; lexical representation; semantics.

Концепт «Душа» играет исключительно важную роль в русской языковой картине мира. Исследователи считают его одним из ключевых, определяющих специфику национальной ментальности, наряду с концептами «Тоска», «Воля», «Судьба» и др. [Булыгина, Шмелев, 1997; Шмелев, 2005]. Не случайно он нашел широкое отражение в художественном творчестве (см., напр.: [Шапошникова, Шишлова, 1997; Шестакова, 1999; Тарасова, 2001; Герасимова, 2003; Шатохина, 2007; Колесникова, 2008; Косицына, 2009; Климас, 2017]), в том числе в фольклоре, в частности, в былинном эпосе [Климас, 2017].

Нашей задачей является выявление своеобразия концепта «Душа» в русских народных исторических песнях с сюжетами XVII, XVIII и XIX веков. Специфика в использовании концепта проявляется в семантике и функционировании лексем-репрезентантов. Установить подобные особенности можно с помощью разнообразных методик, в том числе лингвокультурологической методики сжатия конкорданса, разработанной курскими исследователями для анализа фольклорного текста [Бобунова, 2003].

Материалом для нашего анализа послужили записи исторических песен из авторитетных в научном отношении сборников [ИП-XVII; ИП-XVIII; ИП-XIX]; путем сплошной выборки из текстов были извлечены все случаи употребления слов с корнем *-душ-*: *душа* (50 словоупотреблений (с/у), в том числе в составе композитных наименований типа *девица-душа* и фразеологизмов разного типа, например, *заставать душу в теле*), *душечка* (14 с/у), *душенька* (12 с/у), *раздуша* (6 с/у), *душечка-душа* (2 с/у).

Отметим, что самая частотная лексема – *душа* – в современных и исторических словарях русского языка оценивается как многозначная. Поэтому в создании

«лексикографического портрета» слова мы будем учитывать его конкретное значение. Для получения «лексикографического портрета» применим методику сжатия конкорданса, которая «предполагает учет абсолютно всех употреблений анализируемого слова в пределах определенного корпуса текстов. Сжать конкорданс можно, оставив самые важные, актуальные для данного текста связи описываемого слова с другими словами этого текста (текстов). “Выжимка” из конкордансов составляет ядро словарной статьи» [Бобунова, 2003, с. 130], представляющей собой некий метатекст, содержание которого проливает дополнительный свет на семантику анализируемого слова.

Исследователи курской школы лингвофольклористики разработали структуру словарной статьи для словаря языка русского фольклора:

заглавное слово (количество словоупотреблений);

‘дефиниция’ (факультативно);

S: связи с существительными (S_s и S_o при описании глаголов);

A: связи с прилагательными;

Pron: связи с местоимениями;

Num: связи с числительными;

V: связи с глаголами (V_s : с субъектом; V_o : с объектом);

Adv: связи с наречиями;

Voc: функция обращения;

$\square$: ассоциативные ряды;

F: поэтическая функция;

+: дополнительная информация, комментарии.

Безусловно, не все рубрики будут востребованы для характеристики каждого слова, их актуальность определяется, прежде всего, частеречной принадлежностью лексем. Словарная статья дает полное представление о стоящем за словом понятии и его месте в фольклорной картине мира. Таким образом, ее можно считать своего рода концептограммой (термин А.Т. Хроленко), отражающей все существенные связи и отношения определенного концепта.

В границах анализируемого материала слово *душа* чаще всего употребляется в функции приложения с оценочной семантикой. Такое использование, очевидно, специфично именно для фольклорной сферы и активизирует субстантивные и глагольные связи лексемы.

Душа (31) ‘оценочное определение’

S: астраханец / ястрыканец (удалой молодец) 3, (воровской) атаманушка 2, дочь Наташенька 1, (красна) девка 1, (красная) девушка 1, (красна/ы) девица/ы 3, енералушка 1, купец (московский молодец) 1, Марьюшка 1, Марьюшка (красна) девушка 1, (родна) матушка 1, миленький (мой) 1, Машенька 1, (добрый) молодец 5, невольничек (россейский граф Чернышов Захар Григорьевич) 1, Платов 4, полковничек 1

A: женски прелестные души (красные девицы) 2

Pron: его 1, моя 2

V_s : <быть> нужна (Наташенька-)душа 1, душа (Платов) выходил гулять (на широкой двор) 2, душа (добрый молодец) гулял 1, душа (Платов) закричал

(громким/звучным голосом) 3, (добрый молодец) душа зашатался 1, душа (миленький мой) зашатался 1, (добрый молодец) душа качается, шатается 1, душа (Платов) пошел гулять (на широкий двор) 1, душа(-невольничек) сидит (в темнице) 1, душа(-полковничек) сидит (на корабличке) 1, (добрый молодец) душа шатался 1, душа (добрый молодец) шатался-валялся 1, (добра матушка) душа разгадала (сон) 1, душа (воровской атаманушка) сошел на берег 1, душа (красна девка) тужит-плачет (по молодце) 1, душа(-енералушка) ходит (по армеюшке) 1

V_o: гулять с душой (красной девушкой) 1, жаловать душами (красны девицы) 2, зайти к душе (Машеньке) 1, миловать душой (красной девицей) 1, привести (удалого молодца) душу (астраханца/ястрыканца) 3

Voc: «Ты скажи-скажи, **душа** Марьюшка, где пруцкой король?» [ИП-ХVIII, № 320]; «Уж ты пей, **душа**-купец, Ты московский молодец!» [ИП-ХIX, № 165]

☞: богатства, фамилия ... (дочь Наташенька-) душа 1, города ... сёла ... душа (красна девица) 1, душа(-купец) ... (московский) молодец 2, злато-серебро ... души (красны девицы) 1, злато-серебро ... женки прелестные ... души (красны девицы) 1, майор Левером ... писарь Сахаров ... душа-полковничек 1, товарищ ... красная девушка 1

F: антитеза: «Ай да мне не нужно бы Только его ни богатства, Да его ни хвами... ни богатства мне, ни хвамилия, Ни хвамилия, Ай да мне-то бы нужно, Нужно его дочь Наташенька, Да нужно его дочь Ната... нужна дочь Наташенька-**душа**!» [ИП-ХVII, № 134]; отрицательный параллелизм: Не камыш-трава в поле шатается, Зашатался **душа** добрый молодец [ИП-ХVIII, № 174]; Не полынь-трава в поле Зашаталася: Что во поле за **душа**, Миленький мой [ИП-ХVIII, № 175]; Не шелковая травонька шатается, А шаталсы **душа** доброй молодец [ИП-ХVIII, № 177]; Не полынь-то травонька шатается, Что шатался-валялся за **душа** моя ... добрый молодец [ИП-ХVIII, № 181]; параллелизм: А и буду вас жаловать Златом-серебром Да и женски прелестными, А женски прелестными И **душами** красны девицы» [ИП-ХVII, № 108]; Я ведь буду тебе жаловать Златом и серебром, Да и женки прелестными, И **душами** красными девицами!» [ИП-ХVII, № 115]; счетный ряд: Во первом-то сидит во корабличке, Да сидит-то ли он, майор Левером; На другом-то сидит да он на корабличке, Да он, писарь ли, сидит Сахаров; Как на третьем-то сидит да он на корабличке, Да он сам, **душа**-полковничек [ИП-ХVII, № 206].

Интересен тот факт, что в роли оценочного слова существительное *душа* применимо к самым разным субъектам, номинированным как именами собственными, так и нарицательными. Мы склонны связывать данное явление с фольклорной тенденцией идеализации персонажа, тем более что в исторических песнях, объединяющих традиции народного эпоса и лирики, лирическая струя проявляется в повторяющихся сочетаниях со словом *душа* таких обозначений героя, как *красна/я девица*, *девка*, *девушка* и *добрый молодец*.

Общая положительная оценочность в сочетаниях со словом *душа* конкретизируется в сюжетах о новобранцах или заключении в темницу сочувственным изображением персонажа. Так, в исторических песнях XVIII века в конструк-

циях с отрицательным параллелизмом неоднократно описывается состояние героя, которого насильно отправляют на военную службу.

*Как за риценькой было за Невагою,
За другой-то рицкой Перебрагою,
Не шелковая травонька шатаетси,
А шаталсы **душа** доброй молодец,
Он не сам зашел, не своей охотою,
Занесло его большою неволёю.
Ох, неволюшка, наша жизнь боярская,
Жизнь боярская, наша служба царская [ИП-ХVIII, № 177].*

В тексте фольклорного произведения оценочная семантика выражается не только приложением *душа*, но и другими средствами: диминутивными формами слов (*душа-енералушка*, *душа Машенька*), положительно характеризующими эпитетами-прилагательными (в некоторых случаях подвергшихся субстантивации: *душа*, *миленький мой*), притяжательными местоимениями (*добрый молодец да душа моя*, *родна матушка душа его*), фигурой антитезы (*не нужно ни богатства, ни фамилии, а нужна Наташенька-душа*), синтагматикой лексем и вертикальными ассоциативными связями определяемых существительных. Например, в исторических песнях XVII века распространен мотив посула всяческих благ (которые неизменно отвергаются) русским воинам в обмен на предательство.

<p><i>«А сдайтеся, казаки, Из острогу Комарского! А и буду вас жаловать Златом-серебром Да и женски прелестными, А женски прелестными И душами красны девицы».</i> <i>Не сдаются казаки Во остроге сидечи [ИП-ХVII, № 108];</i></p>	<p><i>Еще как ты царю служил, Да царю своему белому, А и так-то ты мне служи, Самому хану Крымскому, Я ведь буду тебе жаловать Златом и серебром, Да и женки прелестными, И душами красными девицами! [ИП-ХVII, № 115].</i></p>
--	--

Мелиоративная семантика приложения *душа* иногда причудливо переплетается с другими характеристиками персонажа, создается противоречивый образ (*душа воровской атаманушка*).

Различная степень «спаянности» с определяемым видится в способах графической передачи (раздельное и полуслитное – дефисное написание); дефис, по сути, сигнализирует о появлении сложносоставного слова, которое возможно при контактном расположении и отсутствии осложняющих компонентов: *душа-невольничек*, *душа-купец*, *душа-полковничек*, *Наташенька-душа*.

Слово *душа* в исторических песнях употребляется и в других значениях.

Душа (4) ‘бессмертное нематериальное начало в человеке’
А: добрая 1
Pron: его 1

V_o : (не) губить д. 3, оплакать д. 1

☞: царь белый ... душа добрая 1

F : антитеза: *Головы рубите, А души не губите* [ИП-ХVII, № 65]; *Головы рубите, а души не губите!* [ИП-ХVII, № 67]; *Добро-то берите, а души не губите!* [ИП-ХVII, № 69]; параллелизм: *Не возвратит нам царя белого, Не оплакать его души добрую* [ИП-ХVII, № 74].

В одном из немногочисленных примеров данная семантика лексемы *душа* не вызывает сомнений. Речь идет о горе в связи с кончиной царя Василия:

Не возвратит нам царя белого,

Не оплакать его души добрую [ИП-ХVII, № 74].

Здесь положительно оценочная коннотация возникает за счет эпитетов-прилагательных.

Во всех остальных случаях используется формульная блоковая конструкция, построенная на антитезе. По сюжету песни, к бойцам с напутствием обращается священнослужитель, советуя исполнять свой воинский долг, при этом не нанося вреда душе:

Сам поп-от Емеля, а крест на рамени,

А крест на рамени в четыре сажени,

Рукой благословляет, крестом наделяет:

«Духовные дети, ползайте в клетки,

Головы рубите, а души не губите!» [ИП-ХVII, № 67].

Помимо указанной семантики, у слова *душа* в подобных контекстах можно отметить значение 'совесть, нравственная ответственность', зафиксированное в «Словаре древнерусского языка» [СДРЯ, т. 3, с. 104].

В том же словаре в структуру словарной статьи существительного *душа* включено значение 'жизнь' [СДРЯ, т. 3, с. 105], характерное и для исследуемых текстов.

Душа (11) 'жизнь'

V_o : (не) вынять души 1, заставить/застать душу (в теле) 9, найти душу (в теле) 1

☞: душа ... язык 1

F : антитеза: *Хоть с живого с него кожу содрали, Но души из него не выняли* [ИП-ХVIII, № 100].

В большинстве словоупотреблений это значение проявляется в составе устойчивого оборота *заставать / застать душу в теле* в распространенном сюжете исторических песен XVIII века о Лопухине. Основа сюжета – описание поля боя после жестокой баталии, оценка потерь войска; князь Лопухин, которого нашли на поле еле живым (о нем говорится: *лежит убит*, то есть, согласно словарю В.И. Даля, 'сильно искалечен' [Даль, т. 4, с. 457]), хочет писать письмо Екатерине с жалобой на Потемкина.

Они билися-рубилися

Четырнадцать часов.

Утолилася баталья,

Стали тела разбирать:

Находили во телах

Полковничков до пяти,

*Полковничков до пяти,
Генералов десяти.
Еще того подале
Заставали **душу** в теле,
Заставали **душу** в теле –
Лопухин лежит убит
Лопухин лежит убит,
Таки речи говорит:
«Ох вы гой еси робята,*

*Мои верные слуги!
Вы подайте лист бумаги
Да чернильницу с пером!
Напишу я тако слово
К сударыне самой,
Что Потемкин-генерал
В своем полку не бывал,
В своем полку не бывал
[ИП-ХVIII, № 370].*

Эпизодически формула *заставать / застать душу в теле* может заменяться выражением *найми душу в теле*. Во всех случаях употребления слова *душа* со значением ‘жизнь’ прослеживается дихотомия духовного и телесного в человеке, причем в роли «телесного» выступают также *кожа, язык*, например: *Чуть застали **душу** в теле И язык в голове* [ИП-ХVIII, № 372]. В отдельных примерах развития данного сюжета при сохранении оппозиции духовного и телесного сложно установить конкретное значение слова *душа*: *Лопухин лежит убит, Душа в теле говорит* [ИП-ХVIII, № 375].

По-видимому, переходной к значению ‘человек’ является семантика слова *душа* в неоднократно встречающемся выражении *жить души* в том же сюжете: *Как нашли наших убитых Генералов до пяти, Полковничков до десяти. Стали **души** их жить, Лопухин убит лежит.* [ИП-ХIX, № 168].

Душа (1) ‘человек’

A: мертвая 1

V_o: расчислять души 1

☞: тела ... души 1

Единственное употребление слова *душа* в значении ‘человек’ также связано с песней о Лопухине, в которой говорится о подсчете потерь после боя: *Стали тела разбирать, Мертвы **души** расчислять* [ИП-ХVIII, № 374]. Здесь интересными представляются два момента. Во-первых, *душа* и *тело* не находятся в оппозиции и, по сути, обозначают одно и то же. Во-вторых, сочетание *мертвые души* в данном контексте не выражает семантики ‘о людях, фиктивно числящихся где-л.’ [МАС, т. 1, с. 456], а называет погибших в бою.

Слово *душа* в исторических песнях отмечено и в составе общеязыковых устойчивых выражений или их синонимических замен, имеющих целостное значение. Так, сочетание *всей душой* означает ‘искренне, горячо, всем существом’, на что указывает и контекстуальный синоним *с охотой* (*Я поставлю эту свечку Перед образом святым. Я **душою** всей с охотой Постараюсь для него* [ИП-ХIX, № 189]); сочетание *душа дрожит* передает впечатление сильного испуга, как и другие глагольные синтагмы со словом *душа* (*Вот король-то прочь бежит и душа его дрожит* [ИП-ХVIII, № 414]).

Итак, лексема-репрезентант *душа* в разных значениях реализует разные грани соответствующего концепта. Ее семантика зависит от контекстуальных условий, сочетаемости с другими словами, вхождения в фразеологические обороты – собственно фольклорные или общеупотребительные. Мы отметили фиксацию ряда

устаревших значений, характерных для древнерусского языка. В ряде случаев функционально-семантические особенности номинанта *душа* сюжетно обусловлены. Наиболее распространено в исторических песнях употребление слова *душа* в роли приложения с оценочной семантикой.

Необходимо подчеркнуть, что все остальные номинации концепта (*душенька, душечка, раздуша, душечка-душа*) дублируют именно такое употребление: во всех проанализированных контекстах они служат экспрессивными обозначениями лица, используясь в качестве приложений. Причем экспрессивность возрастает за счет структурных особенностей лексических единиц – аффиксации, редупликации. Они могут встречаться в тексте как единственный представитель концепта *ДУША* или чередоваться с другими однокоренными словами. Так, *душенька* и *душечка* в ряде песен взаимозаменяемы, коннотативный ореол образа от этого не меняется. Например:

*Похотел вор-собака жанитися,
Вор Гришка-Расстрижка Отрепьевич,
На самой на меньшей на дочери,
На душеньке Марины на Юрьевной.
Свадебку играли в Филиппов пост,
Венец-то принимали в великой пост,
Дело дотянулось до великого дня,
До великого дни, до Христова дни.
Князи-бояра ко обедни пошли,
Ко той ли христовской заутреней,
Вор Гришка-Расстрижка во мыльню пошел
Со той со княгинией великой,
Со душечкой Мариной со Юрьевной
[ИП-ХVII, № 16].*

Чаще всего в мегатексте народных исторических песен приложение *душенька* или *душечка* относится к одному персонажу – Марине Юрьевне, возлюбленной Григория Отрепьева. Не случайно почти все словоупотребления этих лексем встречаются в песенных сюжетах XVII века, связанных с именем данного исторического лица. В песнях «вор», «расстрига» Отрепьев изображается как безбожник, пренебрегающий нормами христианской морали и обучающий такому поведению Маринку. Обычно Гришке и Маринке противопоставлены благочестивые «князья-бояре», которые ходят на богослужения, соблюдают пост, в то время как отрицательные герои «моются в мыльне» и «блуд творят». Однако каждое упоминание Маринки сопровождается определениями *душенька* или *душечка*, что свидетельствует об их статусе постоянных эпитетов в фольклорном тексте.

Душенька также используется как приложение к наименованию героя *черкесин молодой*; *душечка* может быть связано с определяемыми словами *молодчик, Петр Алексеевич, станиловски девушки*.

Как интересный факт надо отметить, что приложением *душечка-душа* характеризуется не только лицо – *добрый молодец*, но и *добрый конь*.

Собственно фольклорной моделью, как неоднократно доказывалось в лингво-фольклористических исследованиях, являются отыменные образования с усиленным префиксом *раз-* (*размальчик*, *размолодчик* и под.). Все случаи употребления номинанта *раздуша* зафиксированы в одном тексте и имеют отношение к одной героине:

*Вот не спит-та, не спит **раздуша** Анюшка красна девушка,*

***Раздуша** Анюшка да королевнушка, королевнушка.*

*Вот брала-та она, **раздуша** Анюшка, да золоты ключи,*

*Отпирала она, **раздуша** Анюшка, все воротечки,*

*Все воротечки, **раздуша** Анюшка, все железныя.*

*Вот выпускала она, **раздуша** Анюшка, силу войскою:*

Сила войская царя белого Петра Первого [ИП-ХVIII, № 489].

Таким образом, реализация национально маркированного концепта «Душа» в народных исторических песнях отличается несомненной специфичностью по сравнению с общеязыковым употреблением. Дальнейшее расширение материала для анализа позволит судить не только об общефольклорном, но, возможно, и о жанровом своеобразии в использовании концепта.

Библиографический список

Бобунова М.А. Комплекс методик лингвокультурологического анализа / М.А. Бобунова, И.С. Климас, С.П. Праведников, А.Т. Хроленко // *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2000 года: сб. рефератов избр. работ.* – Екатеринбург: Уральский университет. – 2003. – 200с.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры». – 1997. – 576 с.

Герасимова Н.Н. Слово *душа* в лирике Николая Рубцова // *Русский язык в школе.* – 2003. – № 2. – С. 67–70.

Климас И.С. Есть ли охота и горит ли душа с нашими борцами поборотися? (Душа в былинном эпосе) // *Лингвофольклористика.* – Вып. 25. – Курск: Курский государственный университет. – 2017. – С. 43–53.

Климас И.С. Полыхнуло по душе теплом (Концепт ДУША в «Усвятских шлемоносцах» Е.И. Носова) // *Курское слово.* – Вып. 15. – Курск: Курский государственный университет. – 2017. – С. 40–51.

Колесникова В.В. Художественный концепт «душа» и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар. – 2008.

Косицына Н.О. Душа в творчестве А.А. Фета // *Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы IV Международной научной конференции.* – Вып. 4: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.В. Симашко. – М.; Архангельск, 2009. – С. 412–415.

Тарасова И.А. Концептуализация души в поэтическом мире Г. Иванова // *Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: сб. статей научно-методического семинара «ТЕХТУС».* – Вып. 6. – СПб.; Ставрополь. – 2001.

Шапошникова В.В., Шишлова С.Н. Словообраз *душа* в лирике М.Ю. Лермонтова // *Русский язык в школе.* – 1997. – № 1. – С. 67–73.

Шатохина М.П. О семантике «души» в поэзии Ф.И. Тютчева // *Проблемы авторской и общей лексикографии: материалы междунар. научн. конф.* – Брянск: РИО БГУ. – 2007. – С. 217–222.

Шестакова Л.Л. Слово-образ *душа* в поэзии Евгения Баратынского // Русский язык в школе. – М.: Наш язык. – 1999. – № 4. – С. 52–59.

Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры. – 2005. – 544 с.

Словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М. – 1978–1980 (В тексте – Даль).

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. – Т. 3. – М. – 1990 (В тексте – СДРЯ).

Словарь русского языка / под ред. А.И. Евгеньевой: в 4 т. – М. – 1981–1984 (В тексте – МАС).

Источники

Исторические песни XVII века. – М.; Л. – 1966 (В тексте – ИП-XVII).

Исторические песни XVIII века. – Л. – 1971 (В тексте – ИП-XVIII).

Исторические песни XIX века. – Л. – 1973 (В тексте – ИП-XIX).

References

Bobunova M.A. Kompleks metodik lingvokul'turologicheskogo analiza / M.A. Bobunova, I.S. Klimas, S.P. Pravednikov, A.T. Hrolenko // Fundamental'nye issledovaniya v oblasti gumanitarnyh nauk. Konkurs grantov 2000 goda: sb. referatov izbr. rabot. – Ekaterinburg: Ural'skij universitet. – 2003. – 200s.

Bulygina T.V., Shmelev A.D. YAzykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). – М.: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury». – 1997. – 576 s.

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. – М. – 1978–1980 (V tekste – Dal').

Gerasimova N.N. Slovo dusha v lirike Nikolaya Rubcova // Russkij yazyk v shkole. – 2003. – № 2. – S. 67–70.

Istoricheskie pesni XIX veka. – L. – 1973 (V tekste – IP-XIX).

Istoricheskie pesni XVII veka. – М.; Л. – 1966 (V tekste – IP-XVII).

Istoricheskie pesni XVIII veka. – L. – 1971 (V tekste – IP-XVIII).

Klimas I.S. Est' li ohota i gorit li dusha s nashimi borcami poborotisy? (Dusha v bylennom ehpose) // Lingvofol'kloristika. – Vyp. 25. – Kursk: Kurskij gosudarstvennyj universitet. – 2017. – S. 43–53.

Klimas I.S. Polyhnulo po dushe teplom (Koncept DUSHA v «Usvyatskih shlemonoschah» E.I. Nosova) // Kurskoe slovo. – Vyp. 15. – Kursk: Kurskij gosudarstvennyj universitet. – 2017. – S. 40–51.

Kolesnikova V.V. Hudozhestvennyj koncept «dusha» i ego yazykovaya reprezentaciya (na materiale proizvedenij B. Pasternaka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Krasnodar. – 2008.

Kosicyna N.O. Dusha v tvorchestve A.A. Feta // Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Vyp. 4: sb. nauch. tr. / otv. red. T.V. Simashko. – М.; Arhangel'sk, 2009. – S. 412–415.

Shaposhnikova V.V., Shishlova S.N. Slovoobraz dusha v lirike M.YU. Lermontova // Russkij yazyk v shkole. – 1997. – № 1. – S. 67–73.

Shatohina M.P. O semantike «dushi» v poehzii F.I. Tyutcheva // Problemy avtorskoj i obshchej leksikografii: materialy mezhdunar. nauchn. konf. – Bryansk: RIO BGU. – 2007. – S. 217–222.

Shestakova L.L. Slovo-obraz dusha v poehzii Evgeniya Baratynskogo // Russkij yazyk v shkole. – М.: Наш язык. – 1999. – № 4. – S. 52–59.

Shmelev A.D. Duh, dusha i telo v svete dannyh russkogo yazyka / A.A. Zaliznyak, I.B. Levontina, A.D. Shmelyov // Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira. – М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury. – 2005. – 544 s.

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. / gl. red. R.I. Avanesov. – T. 3. – M. – 1990 (V tekste – SDRYA).

Slovar' russkogo yazyka / pod red. A.I. Evgen'evoy: v 4 t. – M. – 1981–1984 (V tekste – MAS).

Tarasova I.A. Konceptualizaciya dushi v poeticheskom mire G. Ivanova // Principy i metody issledovaniya v filologii: konec XX veka: sb. statej nauchno-metodicheskogo seminaru «TEXTUS». – Вып. 6. – SPb.; Stavropol'. – 2001.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Р

Л.А. Савелова

Ljubov A. Savelova

**Наречные средства вербализации представлений
об интеллигентном человеке в русском языке**

**Adverbial means of verbalization of ideas
about an intellectual in the russian language**

Аннотация: В статье получает описание наречный компонент системы средств вербализации представлений об интеллигентности как личностном качестве человека, характерной для современного русского языка. Специальному анализу подвергаются особенности функционирования наречных единиц в речи, позволяющие выявить их оценочный потенциал в сравнении с другими лексическими средствами экспликации данного участка смыслового пространства русского языка.

Ключевые слова: русский язык; наречие; смысловое пространство языка; человек; интеллигентный; интеллигент.

Abstract: The article deals with description of an adverbial component of the system of means of verbalization of ideas about intellectuality as a quality of a person characteristic of Modern Russian. Particularities of functioning of adverbial units in speech revealing their value potential in comparison with other lexical means of explication of a given part of a sense space of the Russian language

Keywords: Russian language; adverb; semantic space of the language; person, intelligence.

Представления об интеллигентном человеке образуют значимый в лингво-аксиологическом аспекте сектор смыслового пространства русского языка. В его означивании задействованы разноуровневые средства, в том числе система лексических единиц, ядром которой является прилагательное *интеллигентный*. Деривационный потенциал данного слова обеспечивает вовлеченность в систему средств репрезентации представлений об интеллигентности как личностном качестве человека других по частеречной принадлежности единиц, в частности производных от него наречий *интеллигентно, по-интеллигентному*.

Интеллигентное поведение человека и иные проявления интеллигентности не являются неотъемлемым признаком интеллигента в его социально-статусном